

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет 3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса 6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II
в современной отечественной историографии: реальность и перспективы 14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова 32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) 39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории 51
Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России 55
Турнаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью 65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского 73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного
и религиозного подходов 93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках
отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. 108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого 113
Яблоков И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева 121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения
русского бунта: достоинства и недостатки 125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи 144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска 158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века
(на примере вузов сибирского региона) 168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет:
сотрудничество и конфликты 177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования»
в курсе «Методика преподавания истории в школе» 188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации 193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 201

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepanov: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th century devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post Peter the First's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post Peter the First's Russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Christian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskaya in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of Russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of construction the course «Methods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS.	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH.	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена анализу современной отечественной исторической литературы о личности и государственной деятельности императора Николая II. В ней рассматриваются изменения, которые произошли в отечественной историографии о последнем самодержце за минувшие пятнадцать лет, прослеживается традиционный характер её исследовательских принципов и выводов, рассматриваются причины этого неблагоприятного явления, намечаются возможные перспективы обновления исторических исследований и исторических знаний в области истории последнего российского царствования.

Завершившись незапланированным крахом Советского Союза, КПСС и самой социалистической системы, памятные события горбачёвской перестройки изменили уклад всей жизни нашей страны и дали импульс к переосмыслению многих страниц российского прошлого. Представители отечественной исторической науки и публицистики отмечали тогда, что оказались перед лицом новых условий существования вообще и осуществления своей профессиональной деятельности в частности.

Едва ли не в первую очередь означенные перемены сказались на состоянии исторических знаний о последнем российском царствовании и последнем российском самодержце, литература о которых стала пользоваться вдруг ажиотажным спросом. Из забвения, из надёжных кладовых различных спецхранов фиксировали исследователи стремительно развивавшиеся у них на глазах события, стали извлекать и переиздавать огромными тиражами забытые книги, недоступные ранее мемуары и романы о России конца XIX – начала XX в., её падениях и взлётах, её августейшем повелителе [1. С. 4–5; 2. С. 84]. И пусть далеко не всегда эта печатная продукция блистала качеством и отвечала научным требованиям сегодняшнего дня, на что историки-профессионалы сразу обратили внимание [1. С. 5; 3. С. 117], зато ей оказались глубоко чужды сомнительная однозначность исторических оценок и выводов, бывшие события и лица в нетрадиционном, неожиданном свете, уже самим своим существованием подрывавая монополию официальных, привычно единообразных умозаключений советской историографии, побуждая к поискам, размышлениям, полемике.

Неудивительно, что в условиях гласности наиболее мобильные интеллектуальные силы общества – «литераторы, публицисты, кинематографисты, политики» поспешили высказаться «о монархическом прошлом» нашей страны, воплотив свои аналитические усилия в «книжки, статьи, фильмы, телепередачи, выставки, специальные выпуски журналов, конференции, фотоальбомы» и т.п. труды [3. С. 117]. Причём большая их часть была посвящена даже не столько жизни и царствованию последних Романовых, сколько трагической предыстории и страшным подробностям их смерти. По признанию самих исследователей, «материалы на эту тему» с конца 1980-х гг. стали появляться в отечественной печати, «как грибы после дождя» [4. С. 36]. Намеваясь внести ясность в историю таинственной гибели Николая II и его близких, разграничить в ней «мифы и реальность», рассказать, «как это было», авторы друг за другом снова и снова прослеживали «крестный путь» царской семьи и жалкие «по-

пытки» её «спасения», норовили разрешить «загадку» её утраченных останков, освещали важные моменты их поиска, идентификации и траурной церемонии перезахоронения, проверяли на причастность к убийству различных большевистских вождей, рассуждали о череде самозванных и законных претендентов на «Российский престол», пробовали напасть на след «царского золота» и т.д.

Отдельные представители отечественной исторической науки, не оставшейся безучастной к обсуждению подобных проблем, высказали ряд серьёзных претензий к содержанию (или бессодержательности?) этой литературы [5. С. 533; 6. С. 73]. Неудовлетворённость вызывал главным образом низкий исследовательский уровень преподносимого читающей публике материала, в том числе нежелание исследователей рассматривать смерть императора в контексте его жизни. «Сама личность Николая II как царя, его жизнь, деяния и преступления перед народом, – пишет, например, Ю.Н. Кряжев, – не стали» в большинстве таких сочинений «предметом кропотливого изучения и тщательного анализа». Не стали потому, считает историк, что их безответственные авторы предпочли долгому поиску исторической истины соблазнительную возможность незамедлительно переиначить прошлое в угоду текущему политическому моменту, продемонстрировав всем свои новые «демократические» взгляды, чтобы «оказаться» или «удержаться» на пике хотя и дешёвой, но всё-таки приятной «популярности».

Более того, за фасадом этой исследовательской беспринципности Ю.Н. Кряжев склонен видеть не просто очевидную «тягу к сенсационным открытиям», а нечто худшее – плохо закамуфлированную политическую пропаганду, призванную внушить «современным россиянам» отвращение к ««ужасу» революции и «жестокости» разбушевавшейся народной стихии», обелить её политических противников. «Иначе чем можно объяснить, – продолжает исследователь свои рассуждения, – что не повествование о деяниях, иллюзиях и безумствах Николая II как высшего государственного и военно-политического деятеля, а только история крушения и гибели династии Романовых – одна из излюбленных, постоянных отечественных тем последнего десятилетия?» [7. С. 4–5].

Подобные размышления присутствуют и в других работах Кряжева: «Некоторые сегодняшние историки, – пишет он в своей монографии, – говорят о екатеринбургском финале: “Это возможно только в России... Это могли сделать только большевики”. Нужно ли напоминать о судьбе Людовика XVI?» [8. С. 32]. Между тем, если сопоставлять судьбы Людовика XVI и Николая II, следова-

ло бы, конечно, напомнить и то обстоятельство, что французский монарх был приговорён к казни решением национального Конвента и обезглавлен *открыто*, как и английский король Карл I.

Не отрицая в целом присутствие того духа сенсационности, а где-то и промонархической политической кампании, который, действительно, окутал в нашей стране тему цареубийства с середины 1980-х гг., следует всё же отметить, что массовое обращение именно к ней не только вполне закономерно, но и необходимо. Ведь «об иллюзиях и безумствах» последнего самодержца писали без малого 70 лет, тогда как история казни Николая II и в особенности царской семьи преподносилась советскому читателю в искажённом, до предела урезанном виде, оставаясь для него малоизвестной.

Неслучайно, что многие современные исследователи прямо указывают на значительные пробелы, искусственно образовавшиеся в наших знаниях о последних месяцах и часах жизни представителей низложенной российской династии, о скорбной судьбе «екатеринбургских останков». «Как это ни удивительно, – констатируют М.П. Ирошников, Л.А. Процай и Ю.Б. Шелаев, – далеко не всё знаем о заключительном периоде жизни последнего русского царя и мы, живущие в 90-х годах XX столетия» [9. С. 506]. «Здесь много ещё остаётся неясного, – вторят выводу своих коллег Ю.А. Буранов и В.М. Хрусталёв. – Исследователям предстоит ещё многое осмыслить, анализируя те документы..., которые сохранила история» [10. С. 3, 6–7]. С подобными заявлениями не раз выступали и представители Русской православной церкви, включая Патриарха Московского и всея Руси Алексия II [11. С. 612–613; 12]. И если всегда найдутся любители порассуждать на всевозможные злободневные темы, то несомненно существуют и такие публицисты и историки, которые возьмут в руки перо «не из увлечения ставшей ныне модной темой», а «из желания если не постичь истину, то хотя бы максимально приблизиться к ней», как на этом настаивают составители сборника «Убийство царской семьи Романовых» [13. С. 4].

Намереваясь оградить себя и предостеречь других от чрезмерного увлечения «модой на Романовых», учёные неоднократно указывали, что её влияние «порождает стремление... приукрасить и представить в более выгодном свете личность того или иного царя и его деяния», заставляет «приглушить любую критику Николая II», подменив его недавно ещё расхожий «карикатурный образ» на «иконографическое изображение святого новомученика» [8. С. 12; 14. С. 168; 15. 1999. № 11–12. С. 94–95; 16. С. 189; 17. С. 24]. Вот почему подготовка и осуществление канонизации последнего самодержца Русской православной церкви не заставили долго ждать реакции со стороны отечественной исторической науки, побудив научные круги выразить не только сомнения в правомерности такого важнейшего шага, но и недвусмысленное его осуждение.

Так, пытаясь повлиять на решение церковных иерархов, историк М. Кривов в 1992 г. направил членам «предстоящего архиерейского собора Русской православной церкви» открытое письмо с характерным названием «Николай II – святой ли?». Не отрицая присущих этому императору «хороших черт характера», учёный напоминал и о его вопиющих политических просчётах – «преступном равнодушии к положению широких народных масс», «бли-

зоруком» противодействию реформированию страны, «бессудных расстрелах», поощрении черносотенцев, двух революциях и т.д. [18. С. 5]. «Святой! Не много ли позолоты на портрете? – возражал такому определению и профессор Ю. Марголис. – Я историк, – говорил он в интервью журналу “Армия”, – оперирую фактами и свидетельствами людей, близко знавших царя, на них и выстраиваю оценки. Что мы имеем? Малое, мягко сказать, прилежание в учении (спрашивать усвоение уроков “державным учеником” запрещено было строжайше), разгульная молодость гвардейского офицера с еженощными “картофелинами” (так именовались девицы для постельных услуг), с лаканием шампанского прямо из серебряного таза..., достаток “первого помещика”, собственность которого составляла семь миллионов десятин, самосознание “хозяина земли русской”. Что во всём этом от святости?» – недоумевал учёный [19. С. 48]. В результате состоявшаяся канонизация зачастую не находит понимания в кругу историков-профессионалов, указывающих на то, что «архипастыри не приняли во внимание» выводы и доводы исторической науки [20. С. 3–4].

Однако, по словам поборников причисления Николая II к лику святых, и подобные доводы оппонентов, и само их существование им хорошо известны. «Люди нецерковные пожимали плечами или высказывались о канонизации крайне неодобрительно, – делился собственными наблюдениями Д. Орехов. – «Так мы и поверили! – цитировал он своих идейных противников. – Две войны проиграл, устроил кровавое воскресенье, слушался этого ужасного Распутина, слабый, нерешительный, царица-немка им командовала – и вдруг... святой?! Как бы не так! Ищите дураков!» [21. С. 8]. Оставляя без внимания тот факт, что рассуждения противников канонизации нередко изображаются её сторонниками довольно схематизированно и упрощённо, следует всё же рассмотреть принципиальные моменты ответных возражений церковной историографии, которые светская мысль, думается, склонна недоучитывать, а то и вовсе не замечать.

Отцы Русской православной церкви и духовно близкие к ней люди неоднократно пытались объяснить, что «смелое обсуждение» в «светской печати» такой «глубоко богословской проблемы», какой является канонизация, требует специальной подготовки, которая у большинства авторов-мирян отсутствует, порождая недопустимое «смешение церковных и мирских понятий», ошибочное толкование критериев святости, некомпетентные предположения и выводы. «Люди, воспитывавшиеся исключительно на мирской, гражданской истории, не могут не мерить здесь на старый аршин, хотя прежняя система отсчёта тут не годится, – полагает Д. Орехов. – В государстве, – пишет он далее, – есть практика увековечивать память великих правителей и государственных мужей, а у Церкви есть правило канонизировать святых угодников... Эти две практики никоим образом не совпадают. Иными словами, подвижники веры могут быть участниками тех или иных исторических событий, но Церковь прославляет их не за это... Прославляет за подвиг – подвиг христианский» [21. С. 9–10]. «Противники канонизации Государя рассуждают о неудачах или удачах его политики, как будто это должно быть условием святости», – критикует дилетантские суждения своих современников протоиерей А. Шаргунов [22. С. 40]. «Им-

ператор был членом Православной Церкви. И канонизация его будет производиться, если будет, не как царя, а как члена этой Церкви», – такими словами епископа Львовского и Дрогобычского Августина можно было бы обобщить многочисленные высказывания православных священников о единственно правильном решении проблемы [23. С. 256–281].

Опровергая ложные представления о мотивах, побудивших православную церковь рассматривать возможность причисления Николая II к лику святых, её представители не раз напоминали условия и особенности прославления монархов в русской церковной традиции: наличие «церковно засвидетельствованных фактов чудотворений» и «знамений», признание «факта безвинной насильственной смерти» – «христианского подвига», «народное почитание». «Для прославления угодника Божия нужно не “обоснование” иерархов, но народное почитание и дар чудотворения», – говорил журналистам митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, подчёркивая тем самым, что церковь не призвана и не властна никого увековечивать, она может лишь засвидетельствовать святость [23. С. 262]. Как явствует из церковных материалов, при постановке и изучении вопроса о канонизации последнего самодержца учитывались именно эти обстоятельства [24. С. 120]. Одновременно указывалось, что историческая оценка достоинств и недостатков государственной деятельности никогда не имела принципиального значения для причисления к лику святых. Это указание, по-видимому, означало, что в данном конкретном случае делать какие-либо исключения тоже не представляется уместным.

Чтобы убедительно подтвердить или опровергнуть наличие канонических оснований для прославления царской семьи, специальная Синодальная комиссия по канонизации святых Русской православной церкви несколько лет занималась необходимой подготовительной работой – наведением различных исторических справок и сбором фактов «чудотворений». Излагая на одном из архиерейских соборов промежуточные результаты работы этой Комиссии, её председатель митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий сообщил, что «вопрос о возможности канонизации царской семьи следует рассматривать не только и не столько в историческом аспекте, связанном с периодом правления императора Николая II, сколько с последними днями жизни императорской фамилии, которые были запечатлены мученической кончиной» [23. С. 271–272]. В отчётном докладе Комиссии эта мысль подтверждалась [25. С. 187–188]. И на те же обстоятельства, как на достаточное (по церковным меркам) основание для канонизации Николая II, указывал А. Нежный, комментируя письмо М. Кривога: «Мы... не можем без некоего священного и скорбного трепета воспринимать беспримерную и страшную в кровавой своей жестокости драму цареубийства... Не как политический деятель, не как император и самодержец прославлен будет Русской православной церковью Николай II, а как страстотерпец... Миг вольных и невинных страданий во имя Христа может перевесить десятилетия ошибок, заблуждений, соблазнов и даже жестокости» [26. С. 5].

Что же касается необходимых для канонизации «чудотворений» и «знамений», имевших место при жизни

страстотерпца или после его кончины, то к 1999 г. были опубликованы уже четыре сборника «Чудес Царственных Мучеников» и, по словам протоиерея А. Шаргунова, готовился к изданию «пятый», ибо «поток свидетельств не иссякает» [22. С. 55]. Окончательное решение вопроса о причислении царской семьи к лику святых, единогласно принятое летом 2000 г. на Юбилейном Освященном Архиерейском Соборе Русской православной церкви, гласило: «Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских Царскую Семью: Императора Николая II, Императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию» [27. Аннотация].

Таково официальное заключение церкви, выработанное ею в соответствии со своими, давно установившимися традициями и правилами, бесцеремонно оспаривать правомерность которых, выражая протест акту канонизации последнего самодержца, наука, думается, не вправе. Другое дело – обнаруженное некоторыми представителями церковной иерархии и церковной историографии претенциозное намерение поведать наконец миру «истинную, а не сочинённую жизнь Царской Семьи», рассмотреть «все обстоятельства» этой жизни «вне идеологических стереотипов, господствовавших в нашей стране на протяжении десятилетий» [21. С. 8–9; 23. С. 269]. Как раз здесь историческая наука может и должна не только определить, действительно ли «несочинённая жизнь» Николая II не сочинена, а горячее желание одолеть прежние «идеологические стереотипы» не привело к созданию других, но и познакомить общественность с новейшими результатами собственных изысканий в области истории последнего царствования.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. представлялось, что реализация этих изысканий, а значит, покорение новых научных вершин и общественного мнения не заставят себя долго ждать. Ведь именно тогда главное, если не единственное препятствие, которое историки усматривали на пути объективного научного познания в виде непроходимых в прошлом «идеологических табу» и «большевистской цензуры», исчезли. И как бы подтверждая оптимистические прогнозы, одновременно с быстрой трансформацией общественных настроений стал разворачиваться более медленный, поступательный процесс раскрепощения и перестройки научной исследовательской мысли, поспешившей расстаться с недавно ещё неприкосновенными историческими истинами.

Фигурировали среди них и представления о Николае Кровавом, поначалу осторожно признанные неполными и односторонними, а затем уже недостоверными и во многом ложными, но в любом случае требующими серьёзного критического внимания и переработки. «Густая пелена предрассудков и предвзятостей, скрывавшая (да во многом и поныне скрывающая) историческую правду, хотя и медленно, но всё же рассеивается», – отмечал в начале 1993 г. известный отечественный историк А.А. Искендеров [15. 1993. № 3. С. 88]. Исчезла неизбежная до толе обязанность рассматривать прошлое «только сквозь мутные фильтры «Кратких курсов» и «общеобязательных схем», «стало возможным переосмыслить сложившиеся стереотипы в оценке Николая II», «появились условия рассказать» о нём «правду», – сдержанно радовались тогда

своему новому положению и открывавшимся исследовательским перспективам многие учёные [1. С. 4; 3. С. 117; 16. С. 189; 17. С. 24; 28. С. 3].

Тогда же ими был в целом оформлен отказ от порочной «традиции советских историков» объяснять всё «объективными закономерностями исторического процесса», преуменьшая значение «личности в жизни общества», сформулирован тот новый принцип познания, на путях материализации которого исследователи и надеялись продемонстрировать объективный анализ и разрушить устоявшиеся клише [1. С. 4–5; 17. С. 24; 29. С. 256]. «Установить причины и по-настоящему осознать глубину драмы крушения старой России, – рассуждал А.Н. Боханов, – невозможно без знания людей, оказавшихся волею судеб на вершине социальной пирамиды; их нравственного облика, духовных запросов, мировоззрения, уклада жизни... Здравый смысл и научная объективность, – был убеждён исследователь, – требуют вернуть на авансцену истории императора Николая II, в судьбе которого сфокусировались многие роковые коллизии отечественной истории конца XIX – начала XX в.» [1. С. 5]. «Важно, – соглашаясь с этим выводом, писал Н.В. Кузнецов, – разобраться в... подлинной роли в истории страны не только “народных масс”, ... но и тех других “творцов истории”, которые волею судьбы становились во главе Российского государства» [17. С. 24].

С тех пор как отечественная историческая наука была предоставлена себе самой, а историки вознамерились освободить её от наследия социально-идеологической конфронтации, прошло около десяти – пятнадцати лет. Однако надежды на то, что историография последнего царствования должна вот-вот решительно преобразиться, так и остались лишь надеждами.

Конечно, эти годы не прошли для неё бесследно: учёные приступили к реанимации прежде ненужных и, казалось, навсегда забытых фактов из жизни последнего императора, начали активно дискутироваться многие аспекты его политической биографии, сформировались и относительно мирно сосуществуют различные суждения о его личности и деятельности, подготовлен целый ряд научных исследований, среди которых не только отдельные журнальные публикации, но и несколько объёмных монографий. Между тем никакого «головокружения от успехов», истинных или мнимых, всё это в научных кругах не вызывает. Практически каждая новая публикация и сегодня начинается с суровой констатации того неприятного факта, что «оценка» Николая II как «государственного деятеля» за последнее время «почти не изменилась», что «как личность и как политик он до сих пор не узнан и не понят», что «объективный подход к глубокому изучению истории конца XIX – начала XX в.» и её «спокойный анализ» всё ещё являются только перспективой, ибо даже «научная аргументация» выводов продолжает носить «субъективный», а то и «просто тенденциозный» характер и т.д. [5. С. 11; 7. С. 1; 30. С. 11; 31. С. 3]. «Предстоит ещё приложить массу усилий, чтобы переосмыслить многие явления и события и отказаться от устаревших оценок и стереотипов, – на исходе 1999 г. настаивал А.А. Искендеров. – Более того, всё настоятельней потребность в том, чтобы изменить сам подход к историческому исследованию и методологию познания прошлого России» [15. 1999. № 11–12. С. 82].

В чём же дело? Быть может, критики современной историографии неоправданно привередничают и, слишком придирчиво разглядывая исследовательские достижения последних лет, дают им заниженную оценку?

Качество и результативность перемен, совершившихся за два почти истекших десятилетия в недрах отечественных исторических исследований о последнем царствовании и последнем самодержце, действительно вызывают не столько обнадеживающий оптимизм по поводу достигнутых на новом пути результатов, сколько вопрос об их действительной новизне, весомости, степени превосходства и перспективности по сравнению с когда-либо бытовавшими в отечественной историографии. Справедливо отмечая, что «отечественная историография, едва хлебнув свежего воздуха научной свободы, стремится вернуться к идеологизированному пониманию истории», А.Ю. Полунов пишет: «Часть авторов сознательно строит идейно-политическую доктрину, в которой идеализированная история самодержавия должна послужить основанием разрыва с Западом, ужесточения имперской политики, свёртывания демократических начал и свободы совести... Большинство же авторов, – полагает историк, – ... просто реагируют на изменения в современной атмосфере... То, что вчера подвергалось анафеме, сегодня непременно и во что бы то ни стало следует славить...» [3. С. 126]. Иными словами, от поспешных оптимистических оценок современных достижений отечественной историографии удерживает уже то обстоятельство, что её нынешние метаморфозы были инициированы не самими представителями науки, не ростом самого научного знания и совершенствованием его методов, а очередной сменой политического режима в стране, за которой эти метаморфозы, собственно, и последовали.

Думается, однако, что вовсе не «национальная размашистость и максимализм», не стремление исследователей «всё решить одним махом» и отсутствие у них привычки «к медленному и кропотливому труду», на которые указывает А.Ю. Полунов, являются сегодня главными препятствиями на пути действительного, а не только формального обновления исторических знаний об императоре Николае II. Ведь ни «размашистая», ни «медленная кропотливая», ни любая другая исследовательская работа не может быть признана более или менее объективной лишь по определению, ибо главное, согласно чему она осуществляется, это субъективно установленные способ и средства познания прошлого, осознают исследователи их присутствие или нет. И если «медленная кропотливая» работа осуществляется по одним правилам с «размашистой», то она будет ничуть не лучше этой последней, во всяком случае не настолько лучше, чтобы стоило говорить о заметной разнице, о принципиально новых исследовательских результатах.

Могут возразить, что трагический образ Николая II, созданный постперестроечной историографией, всё-таки сильно отличается от образа Николая Кровавого, культивированного в историографии советской. Эта разница обманчива, ибо поверхностна и не имеет отношения к тому способу изучения личности и деятельности последнего самодержца, которым авторы продолжают уже не первое десятилетие пользоваться, – сами логика рассуждений, вопросы к прошлому, механизм поиска ответов на них, манера обоснования выводов и т.п. атрибуты исследовательского процесса остались фактически неизменны.

И прежде всего это касается, как ни странно, одной из самых одиозных, если верить современной историографической критике, исследовательских традиций – традиции политизировать изучение личности и деятельности императора Николая II. Решительно осудив присущие ей «беззастенчивые конъюнктурные манипуляции» и «пропагандистскую ангажированность», усомнившись в рождённых ею «многочисленных исторических мифах», учёные и публицисты до сих пор не только не покончили с нею по существу, но, что гораздо хуже, упорно не хотят видеть её присутствие в своих нынешних, якобы деполитизированных изысканиях.

Такая слепота отнюдь не случайна, она закономерно проистекает из того представления о путях политизации исторического познания, которым исследователи сегодня располагают и которое трактует эти пути как преднамеренное извращение исторических фактов в угоду политическим интересам, пристрастиям и убеждениям автора. Вот почему, анализируя сочинения своих предшественников, их современные наследники склонны замечать и критиковать у них именно те недостатки, которые ныне производят впечатление сознательного искажения исторической истины – «злонамеренную клевету», «откровенную фальшь», «заведомую ложь», «грубые переделки, умолчания, недомолвки, а то и откровенную фальсификацию», «прочную традицию замалчивания», «замалчивание одних фактов, выпячивание других», «эксплуатацию» выигранных сюжетов, «тягу к сенсационным открытиям» и тому подобные недопустимые явления [2. С. 84; 5. С. 8; 15. 1993. № 3. С. 87; 32. С. 119; 33. С. 93; 34. С. 5; 35. С. 4].

Представляется, однако, что сводить методы политизации исторического познания к банальной лживости предшествующих поколений историков и публицистов невозможно, недопустимо. И не только потому, что было бы слишком категорично бросать им вслед нелицеприятные отзывы, что это огульно и весьма безапелляционно пятнает их честь. Но ещё и потому, что чрезмерная, акцентированная сосредоточенность современных исследователей на поисках и разоблачении в исторических трудах прошлого элементов умышленного (в подоплёке – политического) обмана играет сегодня против подлинного обновления исследовательского процесса. Эта усиленная сосредоточенность, этот ударный акцент не позволили различить более сложные формы и результаты политизации исторического познания и, неоправданно внушая, что для ликвидации последней достаточно продемонстрировать «профессиональную честность» и «научную добросовестность», оставили историков безоружными как раз против более изощрённых, чем грубое политическое надувательство (практически никогда и не использовавшееся!), её форм.

Это двусмысленное положение представителей современной отечественной публицистики и исторической науки засвидетельствовано уже тем обстоятельством, что процесс ревизии старых и создания новых исторических знаний об императоре Николае II практически не связан с обсуждением и формированием альтернативных преждему подходов изучения личности. И пятнадцать лет назад, когда этот процесс только начинался, и теперь, имея определённую историю, он зависел и продолжает напрямую зависеть от той глобальной переоценки альтернатив

исторического развития России в конце XIX – начале XX в., которая совершилась вслед за провозглашением знаменитой политики гласности.

Именно тогда были поставлены под сомнение «беспристрастность, объективность и всесторонность» результатов, достигнутых советскими историками в изучении событий и итогов российской революции. А сама она и её колоссальные последствия стали восприниматься подавляющим большинством исследователей не иначе как национальное «бедствие» и также интерпретироваться, только с разной степенью эмоциональности: «вселенская трагедия», «катастрофа», «хаос», «анархия», «обнаглевшая бесовщина», «жестокие социальные потрясения», «страшный социальный взрыв», «полоса нескончаемых бедствий», «предательство интересов России», «Божий гнев», «проигрыш всех и вся» [1. С. 3, 277–278; 5. С. 9–10, 157; 8. С. 32; 9. С. 22, 208; 31. С. 20; 36. С. 4; 37. С. 137, 412; 38. С. 358]. «С падением Царя, – считает О.А. Платонов, – кончился период возвышения России и начался процесс её разрушения, не прекратившийся по сей день» [37. С. 422].

Более сдержанно о негативных плодах «революционной смуты» пишут и профессиональные историки: «На смену монархическому самодержавию, – указывает А.Н. Боханов, – пришла бескомпромиссная власть большевистской партии, провозгласившая своей задачей построение самого справедливого и благоденствующего общества в истории человечества. Понадобились десятилетия невероятных жертв и лишений, невиданного насилия и тотального закабаления личности, чтобы осознать, что намеченная вожделенная цель многих великих мечтателей так и осталась мечтой. В реальности же были загубленные жизни и судьбы миллионов людей, деформированная нравственность, разрушенная культура, оболганная история» [1. С. 3]. «Теперь мы знаем, – уверен Г.З. Иоффе, – насилие, в каком бы “теоретическом” облачении оно ни выступало, может родить только насилие – ни к чему иному оно привести не может. Как гласит старое изречение: для того чтобы создать оазис, не нужно землетрясения...» [39. С. 350].

Уже сами по себе эти нелёгкие скорбные прозрения склоняли к раздумьям о предпочтительности других путей развития нашей страны в конце XIX – начале XX в., побуждая учёных и публицистов обсудить как саму возможность иного течения событий российской истории, так и те направления, которые оно могло бы принять. Неизбежный характер российской революции (социалистической в особенности) был поставлен под сомнение, а историки занялись поиском и освещением её более перспективных, хотя, как оказалось, и менее жизнеспособных исторических альтернатив. В частности, рассмотрению подверглась та из них, которая предполагала постепенное, но неуклонное реформаторское преобразование российского государства и общества на европейский манер.

Анализируя степень её изученности, А.А. Искендеров справедливо напоминает: «В историографии давно и прочно утвердился тезис, что реформистский путь для России изначально был обречён на неуспех, – с чем сам историк, как и большинство его нынешних коллег, не спешит соглашаться. – ...Перед Россией XX в., – пишет он далее, – реально стоял не один, а два возможных пути развития: путь революционного свержения существующей

щего строя и путь мирного преобразования общества и государства» [15. 1993. № 7. С. 126]. Этот-то «путь мирного преобразования» и приковал сегодня самое пристальное исследовательское внимание. О пробудившемся по отношению к нему интересе говорят даже типичные названия ряда объёмных исторических трудов последнего времени, названия, которых прежде никогда не бывало – «Российская монархия, реформы и революция», «Власть и реформы», «Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция» [15; 40; 41].

Стоит ли говорить о том, что именно нереализованная реформаторская альтернатива российской истории и представляется ныне не только вполне возможным, но и наиболее предпочтительным исходом грандиозной исторической драмы, стремительно разворачивавшейся в России в годы последнего царствования. Признавая, что «в любом обществе всегда проблемы были», что царская Россия никоим образом исключением из этого правила не являлась, Главный герольдмейстер российского дворянского собрания С.А. Сапожников вопрошает: «Значит ли это, что нужно звать Русь к топору?» И сам же отвечает: «Боже упаси...» – следовало бы подумать о выборе «рациональных путей» разрешения существовавших тогда у страны проблем [42. С. 25]. «Наиболее приемлемым, логичным для России был путь конституционной монархии», именно реформы «открывали дорогу прогрессу», – утверждают сегодня историки, полагая, что, осуществись они «ещё за несколько месяцев, пусть даже недель до февральско-мартовских событий 1917 года», и страну ещё «можно было спасти», а «судьбы дома Романовых и самой России были бы иные и, скорее всего, не столь трагичные» [9. С. 208, 222; 31. С. 20, 21, 24; 43. С. XI].

Полагая, что конституционные изменения в начале XX в. были России необходимы и полезны, а главное, что существовала возможность осуществить их без катастрофических потрясений, исследователи по-новому взглянули на препятствия, которые должны были встретиться на этом преобразовательном пути. Если прежде практически все они связывались с консервативной политической позицией российских властей, их нежеланием проводить назревшие реформы, то теперь историки всё чаще задаются вопросом, «готовы ли были» и сами «народные массы» к «восприятию широкой демократии западноевропейского типа»? Европейская политическая система «вызревала и формировалась столетиями», «парламентаризм не мог в одночасье вписаться в российскую действительность», т.к. «этот процесс требует определённого, скорее всего, длительного времени, в ходе которого должен будет не только обновиться общественный и государственный строй России, но и измениться психология людей». Признан и факт, что попытка форсировать события с помощью революции не удалась, а мнимая советская демократия стала закономерным следствием сохранявшегося в людях «политического бескультурья...», «слаборазвитого чувства гражданского достоинства, примирения с беззаконием и произволом власти, готовности к обожествлению диктатуры и её вождей» [1. С. 15–16; 5. С. 239; 15. 1993. № 7. С. 130; 44. С. 281].

Поскольку фатальная обречённость царского режима, недавно ещё всемерно подчёркивавшаяся, стала теперь казаться не столь очевидной, а то и вовсе сомни-

тельной, историческая роль императора Николая II, определявшего политический курс страны в течение двух поворотных десятилетий, в глазах исследователей стремительно возросла. И это понятно: последний самодержец начинает восприниматься не как осуждённый историей на неотвратимое заклятие, а как её активный творец, ответственный и за собственную судьбу, и за судьбу российской династии, и за будущее России. «Сколько раз в мировой истории лица, стоящие у власти, находили реформистский выход из подобной ситуации!» – замечает К.Ф. Шацилло, подсказывая одновременно и тот спасительный выход, который императору следовало бы избрать – «поступиться властью, “даровать” политические свободы, необходимые экономические реформы и остаться монархом, который царствует, но не правит» [45. С. 80; 35. С. 11]. По-своему об этом же пишет и А.А. Искендеров: «В XX столетие Россия вступала с ясным осознанием необходимости обновления своего общества и государства... Мало кто из серьёзных российских политиков сомневался в необходимости, более того – в назревшей исторической неизбежности глубоких социальных и политических преобразований» [15. 1994. № 1. С. 98].

Известно, однако, что Николай II никакой «реформистский выход» из создавшейся в стране ситуации не нашёл, а по некоторым рассуждениям – и не искал, невзирая на всю его кажущуюся сегодня необыкновенной очевидность. Это обстоятельство позволяет исследователям заявить о несостоятельности последнего самодержца в качестве государственного деятеля, о его неумении «оценивать политическую обстановку в стране» правильно, а «на живое течение общественной жизни» отвечать «должным образом» [8. С. 102; 9. С. 39; 35. С. 6].

«Новые времена требовали новых решений, – считает, как и многие другие его коллеги, А.А. Искендеров. – Этого не сознавали ни новый царь, ни его ближайшие наставники», уверенно направлявшие своего послушного ученика «по стопам папеньки» в тот «исторический период, когда надо было твёрдо решаться на радикальные перемены» [9. С. 22; 15. 1993. № 5. С. 93; 39. С. 11; 46. С. 453]. Уже «первые шаги молодого императора», по мнению Ю.Н. Кряжева, «показали, что он способен только ускорить развязку». «Николай-царь» напоминает этому историку «лошадь с надетыми на неё шорами, которая упрямо двигалась в определённом ею самой направлении, вовсе не замечая, точнее, не будучи в состоянии заметить, что же происходит вокруг и куда она двигается» [8. С. 99, 112]. «К сожалению, и для династии, и для страны, – констатирует К.Ф. Шацилло, – на троне оказался человек, совершенно непригодный для столь высокого места... Николай II, – объясняет он далее, – ...не только не давал назревших реформ, но даже, если у него их вырывало силой революционное движение, упорно стремился отобрать назад то, что было дано “в минуту колебаний” Всё это “вгоняло” страну в новую революцию, делало её совершенно неизбежной» [45. С. 73, 76].

Хотя в современной отечественной публицистике и исторической науке эти умозаключения, по-видимому, доминируют, разделяют их далеко не все. Апеллируя к «невиданным темпам» экономического роста николаевской России, подчеркивая, что важнейшими приметами её жизни постепенно становились «парламентаризм», «многопартий-

ность», «свобода слова и печати», «независимый суд», «открытые границы», «передовое социальное законодательство», эти последние не считают политический курс Николая II, в том числе и реформаторскую его часть, ни куцым, ни близоруким [42. С. 20, 21].

Близорукими они склонны считать страстные требования «всего и сразу», исходившие из российских либеральных и революционных кругов, не принимавших в расчёт ни «реальные условия России», ни «психологию народной среды», ни «уровня политической зрелости основной массы избирателей», подлинное понимание которых будто бы продемонстрировал как раз император [5. С. 238]. «Нет никаких оснований сомневаться, – рассуждает А.Н. Боханов, – что свободные, равные и тайные выборы в высший законодательный орган России тогда, в 1905 г., привели бы не просто к социальным потрясениям, а к крушению всего миропорядка. И в этом отношении то, что предложила власть, можно считать почти пределом, отражавшим реальные условия страны и времени. Далее начиналась не переделка государственного здания, а его слом...» [5. С. 239–240].

Необходимо отметить, что за последние несколько лет суждения А.Н. Боханова об умении Николая II разбираться в политических реалиях своего времени существенно трансформировались. Вот что по этому поводу исследователь писал, например, в 1993 г.: «Николай и Александра были опоздавшими людьми, они пришли в XX век из другой эпохи, из времён Московского царства... Николай II был таким, каким был, и пытался сохранить то, что было обречено временем... Идолопоклонство последних венценосцев перед идеализированным прошлым закрывало им дорогу в будущее» и т.п. [1. С. 105, 279]. Что же касается его отношения к политическим притязаниям российских общественных деятелей, то оно с тех пор практически не изменилось. Оценивая обоснованность этих притязаний, историк в 1994 г. утверждал: «Дряблые либеральные руки не могли вынести на себе всю тяжесть власти. Если бы в 1905 году они её получили, всё рухнуло бы тотчас же» [47. С. 43]. Это мнение разделяет и О.А. Платонов: «Речь шла не только о сохранении традиционных форм управления страной, – разъясняет он непреклонную позицию монарха в борьбе с “нигилистическими попытками разрушить их”, – а о спасении русской национальной культуры, которая, как он (Николай II. – Ю.Г.) чувствовал, была в смертельной опасности. События последних восьмидесяти лет показали, насколько был прав российский Император» [37. С. 34].

Дело, однако, в том, что «события последних восьмидесяти лет» никогда (в том числе и сегодня) однозначно не оценивались и сами по себе «показать» или подтвердить ничего не могут, сколько бы их интерпретаторы на это ни притязали. Эти события «покажут» и подтвердят только то, с чем будет согласен каждый конкретный исследователь. Иными словами, кому-то они помогали и помогают засвидетельствовать историческую правоту последнего самодержца, а кому-то – опровергнуть её, в зависимости от того, считает ли исследователь, что либералы и революционеры «стремились перепрыгнуть «в послезавтра», препятствуя властям в постепенном (единственно плодотворном) реформировании общества и безрассудно провоцируя в России чудовищные социальные

потрясения, или он думает, что их провоцировали «охранители», намеревавшиеся «удержать страну в позавчерашнем дне».

Нетрудно заметить, что такой способ оценки государственной деятельности Николая II не просто связан, он прямо прикован к авторскому, ценностно окрашенному представлению о тогдашней России, о её государственных и общественных проблемах и бедах, о наиболее предпочтительных методах их решения, о целесообразности немедленных кардинальных реформ. Спорный характер собственных представлений редко кто из исследователей считает нужным открыто признать, а вместе с ним игнорируется и непрочность исходного материала для их рассуждений и выводов. Ещё более важно, однако, другое: в свете энергично заявленного ныне стремления к реализации новых исследовательских подходов обращает на себя внимание то обстоятельство, что искомая новизна в том исследовательском подходе, который избран сегодня для изучения последнего царствования, как раз отсутствует.

Прежде всего, далеко не новы те вопросы, вернее тот ключевой вопрос, в рамках поиска ответа на который и рассматривается традиционно государственная деятельность последнего самодержца. «При оценке последнего русского царя, – высказывают свою точку зрения авторы “Истории внешней политики России”, – главное, видимо, не в отдельных чертах характера и даже не в трагической судьбе монарха, царской семьи и династии, а в том, насколько “его дела” и “его намерения” были адекватны стоявшим перед Россией задачам исторического развития» [48. С. 63]. «В какой мере принимаемые решения и действия были адекватны обстановке?» – задаётся тем же вопросом и А.А. Искендеров [15. 1993. № 3. С. 100]. Приступая к «расследованию действий самого Николая II», П. Черкасов полагает, что посредством этого «расследования» надлежит выяснить, «в какой степени его политика и его поведение ускорили (или отсрочили) революцию 1917 года», «в чём состояли расчёты» этой политики [16. С. 190, 192].

Речь, таким образом, идёт о том, чтобы проверить, насколько политический курс последнего царствования был уместен в сложившихся исторических условиях, вычисляя тем самым и уровень государственных способностей осуществлявшего этот политический курс монарха. Между тем приступить к подобным исследовательским процедурам невозможно без заранее сформулированного представления об «адекватном» политическом поведении императора, т.е. о таком его поведении, которого будто бы требовали от него время и логика исторического развития страны. А это, в свою очередь, означает, что прежними в отечественной историографии остаются не только интересующие историков вопросы (вращающиеся вокруг одного – прав ли Николай II исторически?), но и отправная точка их исследования (собственное мнение о должной политической практике российского престола) и даже его механизм (сравнение этого воображаемого образца правильной политической практики с тем, который император продемонстрировал на самом деле). По сути, за всеми сегодняшними оценками Николая II как политика, за всеми спорами и рассуждениями о нём как о государственном деятеле стоит дискуссия вовсе не о монархе, а о более подходящем в ситуации начала XX в.

политическом курсе, о более предпочтительной альтернативе исторического развития России, предопределяя и эти оценки, и рассуждения, и споры.

Такой путь формирования комплекса исторических знаний о последнем самодержце, конечно, вполне допустим, более того, он устойчиво практикуется с момента зарождения историографии о последнем царствовании. Вместе с тем такой познавательный путь определённым и, думается, далеко не всегда лучшим образом влияет на содержание наших знаний, на их качество.

Во-первых, любой изготовленный таким способом исторический образ императора Николая II находится в обязательной, хотя и не всегда явной, а часто даже и отрицаемой связи с политическими взглядами своих создателей. Попросту говоря, все эти образы обусловлены политическими взглядами, т.е. политизированы, ибо изучать и оценивать (положительно или отрицательно) государственную деятельность монарха в зависимости от того, соответствует она пресловутой «логике исторического развития» или нет, можно лишь в соответствии с собственным представлением об этой «логике» и, значит, о том, куда императору следовало вести страну.

Во-вторых, очевидно, что представления подобного рода не только крайне неустойчивы и исторически чрезвычайно ограничены, но и, подчинив себе мысли своих адептов, лишают их плодотворной возможности выработать такое историческое знание, которое могло бы удовлетворить людей с разными политическими пристрастиями. Поскольку именно эти переменчивые и непримиримо враждебные друг другу и всему, что порождено не ими, политические пристрастия определяли и определяют общий ход рассуждений исследователей о последнем самодержце, то аналогичными чертами наделён и конечный результат их рассуждений – исследовательские выводы и оценки.

Так, ещё недавно «логичным», однозначно необходимым и несомненно лучшим исходом отечественной истории мы признавали революцию, любое (и, конечно, чем больше, тем лучше) содействие которой представлялось правильным, т.е. именно адекватным сложившейся исторической ситуации, прогрессивным. Последний самодержец, неизменно и жёстко противодействовавший развитию революционных событий, подлежал бескомпромиссному осуждению как реакционер.

Однако то, что представляется естественным и правильным с одних исторических позиций, в другую эпоху и с другой точки зрения может показаться совсем иным. Сегодня умонастроения круто изменились, бывшие исторические истины с пафосом (нередко и с пренебрежением) отброшены, Николая II либо поспешили причислить к выдающимся государственным деятелям, либо критикуют, но уже за то, что он не сумел предотвратить российскую революцию, упредив или поборов её на путях своевременных либеральных реформ, а то и просто сурового ей противодействия.

Понятно, что подобные построения недолговечны, ведь отечественную историю приходится переосмысливать и практически заново переписывать в связи с каждым сколько-нибудь значимым политическим поворотом в судьбе нашей страны. Скажут, быть может, что это и нормально и закономерно, что должно же историческое

знание развиваться, обновляться. Вне всякого сомнения, такое развитие необходимо. Между тем именно оно, думается, и поставлено под угрозу, ибо какое же развитие знаний (кроме его поверхностных видоизменений) может иметь место там, где исследователи обрекли себя на сизифов труд: они постоянно возвращаются к исходной точке своих рассуждений якобы для того, чтобы, наконец, начать их по-новому, сохраняя, однако, не только прежние мыслительные привычки, но во многом и прежний исследовательский инструментарий, и потому двигаясь в процессе познания по одному и тому же кругу?

И как глубоко закономерно, характерно, что пройденный историографией последнего царствования вековой путь оценивается сегодня историками как малорезультативный, а часто и фактически бесполезный, не отмеченный сколько-нибудь существенным развитием исторических знаний об императоре Николае II. Причём нет гарантий, что и наши потомки не отнесутся к сегодняшним нашим умозаключениям так же, как мы относимся к умозаключениям наших предшественников.

В-третьих, обусловить изучение последнего царствования собственными оценками российского исторического процесса (делается ли это помимо осознанного намерения историка или по его прямому желанию – не суть важно) – значит рассматривать личность и деятельность последнего самодержца сквозь призму чужого, несвоей для него жизненного, а часто и исторического опыта, игнорируя принцип историзма. Так, если современники Николая II строили образ своего повелителя, каждый по-своему оценивая разворачивавшиеся на их глазах грандиозные события и наперебой предлагая разнообразные меры для спасения страны, то позднее исследователи стали использовать суждения ещё и о тех событиях, которые совершились после гибели монарха. Такой подход, как считается, помогает «увидеть и понять закат монархии с учётом последующего развития» России, заставляет поразмыслить о более рациональных (пусть и не осуществившихся) путях её развития в прошлом и тем самым делает нас «мудрей» на будущее [1. С. 5; 42. С. 25].

Наряду с этими достоинствами такой подход предполагает, однако, и значительные жертвы, ибо побуждая определить историческую роль Николая II для нашей эпохи и с точки зрения наших же представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в историческом масштабе, он обрекает историков изучать личность и деятельность последнего самодержца только в тех аспектах, в которых они интересны (симпатичны или антипатичны) именно нам. Неудивительно, что исследователи последнего царствования понимали и принимали Николая II лишь как надёжного союзника или активного противника своих представлений об общественном благе и только в таком качестве его и рассматривали (в частности, в таком ключе рассматривались все его политические мероприятия, интерпретировавшиеся либо как «прогрессивные» и стране нужные, либо как «реакционные» и для неё вредные), остальное поступало в разряд несущественного и от аналитического внимания, исследовательских размышлений благополучно ускользало.

Психологически такой понятный и вполне объяснимый исторический эгоцентризм надёжно заслонял и заслоняет

прежде всего важнейшее обстоятельство – политика императора не предназначалась и не могла предназначаться тому, чтобы следовать или противоречить соображениям её многочисленных критиков о том, какой ей надлежало бы быть. Она, вполне может стать, представляла собой не просто возмутительное отклонение от искомого, спроектированного автором образца или, напротив, его меткое воплощение, а самостоятельное образование, обладавшее принципиально иными логикой и структурой, и формировавшееся иной системой ценностей. Не замечать, более того, даже не предполагать этой возможной разницы, заведомо и без какого бы то ни было обоснования постулируя умственное и душевное сходство между императором и историком его царствования, значит на деле отказываться от принципа историзма, который на словах декларируется как давняя неприкосновенная святыня исторической науки, как её нерушимое достояние.

Лишь в последнее время некоторые исследователи стали обращать внимание своих коллег к тому прискорбному факту, что «сами личности “обречённых” на царствование представителей династии (особенности психологии, образования и воспитания монархов, их ориентация в сложной системе принятия решений, влияние окружения, быт и нравы придворной среды, менталитет общества и т.д.) до сих пор остаются менее всего изученными» [49. С. 6–7]. Между тем, полагают историки, «видеть в царской судьбе – человеческую, а в царе – личность необходимо, иначе многого не понять» [8. С. 194]. Нашлись среди них и те, которые задались целью «воссоздать облик последнего русского царя» так, чтобы, выслушав его рассказ «о себе, о своём восприятии людей и событий», увидеть в нём «живого человека и реального политика в конкретных обстоятельствах времени и места» [5. С. 11]. «Для того чтобы понять любой исторический персонаж и судить о нём, – пишет, вторя А.Н. Боханову, Е.Н. Чернокрылова, – мало знать какие-то конкретные эпизоды и события, с ним связанные; необходимо установить глубинные нравственно-психологические причины и импульсы, обусловившие его поведение и поступки, то есть следует понять прежде всего самого человека, а уж затем рассматривать его в политическом действии» [31. С. 3; 50. С. 308].

За этими рассуждениями о необходимости сперва «понять» Николая II и только затем «судить о нём» отчётливо просматривается вопрос, чётко сформулированный в работе А.А. Искендерова: «Как воспринимал политическую ситуацию, складывавшуюся в стране, сам монарх?» – спрашивает себя историк, приступая к изучению его личности и деятельности [15. 1993. № 3. С. 100]. Эти новации наводят на мысль не только о том, что «Николай II как политик до сих пор не узнан и не понят» и надо предпринимать шаги к кардинальному изменению такого положения, но и о том, что, пожалуй, впервые в историографии последнего царствования его образ утратил ранее присущую ему, в глазах исследователей, очевидность. «Что же изучать и реконструировать, если царь “полоумный”, а царица «психопатка?» – саркастически рисует эту недавнюю, лишённую каких бы то ни было признаков исследовательских исканий и сомнений историографическую практику А.Н. Боханов [50. С. 309]. И, думается, не случайно именно сегодня из уст исследователей

прозвучал разумный отказ от претензий на обретение и презентацию некой окончательной исторической истины о последнем самодержце, претензий, которые были столь свойственны их предшественникам. «Верьте не тому, кто говорит, что знает истину, а тому, кто ищет её», – наставительно цитирует «старое мудрое изречение» Г.З. Иоффе [39. С. 4].

Все эти изменения можно только приветствовать. Как же на деле осуществляется этот новый подход, этот таинственный процесс «понимания любых исторических персонажей»? Ведь одними словами о его необходимости, одними декларациями намерений ничего достигнуто не будет. Приходится признать, что сам механизм «понимания», пути его осуществления всё ещё остаются за пределами более или менее подробных объяснений. Это, конечно, не значит, что реализация нового подхода всё ещё только планируется, досконально продумывается. В том-то и дело: исследователи, по-видимому, убеждены, что ими уже приняты первые решительные попытки внедрить его в исследовательскую практику. Вот почему прежде, чем оценивать его новизну и перспективность, приходится устанавливать, в чём он, собственно, заключается.

Из отдельных, оброненных авторами замечаний о том желательном направлении, которое должен, наконец, принять историографический процесс, можно понять, что историки вознамерились направить свои исследовательские усилия на реконструкцию личности последнего самодержца и дворцового антуража. Только вслед за этим, как считается, уместен переход к рассмотрению фактов его политической биографии, а главное – поиску и анализу мотивов его политической деятельности.

Думается, однако, что само по себе обращение к проблемам воспитания и образования будущего императора, процессам формирования его личностных качеств, мировоззрения и политической доктрины, картине его семейного окружения и возможных родственных влияний, которое в современной историографии, действительно, имеет место, ещё ничего нового не гарантирует и «территорию историка» не расширяет. Прежде всего потому, что так или иначе – достаточно подробно или совсем вскользь, но эти аспекты жизни императора Николая II нередко затрагивались и прежде, попадая в поле зрения и историков, и публицистов. Другое дело, что результаты их изысканий теперь могут казаться неудовлетворительными, тенденциозными и, значит, нуждающимися в пересмотре. Между тем, чтобы реально осуществить его, требуется изменить не количество обсуждаемых вопросов, а качество произносимых суждений, т.е., главным образом, принцип построения исследовательских выводов. А ведь этого-то по большому счёту как раз и не произошло.

Вот почему трудно предположить, что обсуждение недостаточно, с нашей точки зрения, исследованных и даже каких-то совершенно не исследованных эпизодов из жизни последнего российского монарха пойдёт вне традиционного русла, произведёт в историографии последнего царствования кардинальный переворот. Скорее, их обсуждение будет протекать в традиционном русле, а новые факты если и будут выявлены, то станут интерпретироваться по старым правилам.

Возьмём конкретный пример – освещение в современной историографии «детства, отрочества и юности Ни-

колая-наследника», которых, как указывают исследователи, «глубокое изучение» до сих пор ещё не коснулось. «Первоначальный этап жизни Николая-наследника с момента его рождения до вступления на царский престол, – пишет Ю.Н. Кряжев, – пока не стал у историков-исследователей и публицистов предметом пристального внимания, глубокого и всестороннего изучения, детального рассмотрения и, конечно же, тщательного анализа, с последующими, соответственно, глубокомысленными умозаключениями и выводами...» [7. С. 1]. Как же восполняют этот историографический пробел современные авторы? Основные направления их поисков и умозаключений в общем-то остаются прежними – привычные занятия, за которыми чаще всего можно было застать маленького, а затем и повзрослевшего цесаревича, процесс его обучения, качество полученного им образования, степень его подготовленности к тяжёлым и ответственным тронным обязанностям...

Ряд современных историков вслед за критически настроенными исследователями предшествующих эпох (включая и дореволюционную) продолжают считать, что наследника престола отличало «малое, мягко сказать, прилежание в учении» и как следствие – недостаточное для руководителя огромной империи образование, «весьма смутные представления о происходящем на свете», а молодые годы Николая Александровича не могут быть правдиво определены иначе, чем «разгульная молодость гвардейского офицера», отмеченная разнообразными сомнительными проявлениями «весёлой жизни» [8. С. 49–50; 19. С. 48; 35. С. 5]. Подобные высказывания о молодости «одного из самых некультурных русских людей» – Николая II – как о «праздном, полном кутежей времяпрепровождении», «длинной серии закулисных романов и интрижек», «абсолютном ничегонеделании» встречаются уже в нелегальной дореволюционной литературе и прочно закрепляются в советской [51. С. 167; 52. С. 303, 322–323; 53. С. 13; 54. С. 239–240, 246; 55. С. 12–14, 22; 56. С. 36–40; 57. С. 64].

Другие современные исследователи не склонны так драматизировать ситуацию: они считают маленького Ники «страстным книголюбом», «необыкновенно любознательным и прилежным» учеником, указывают на его «блестящее образование» и «универсальные знания», а якобы «разгульную молодость» повзрослевшего цесаревича сдержанно интерпретируют как непредвзятую «обычную жизнь для столичных гвардейских офицеров». «Здесь были, – напоминает А.Н. Боханов, – и пирушки в дружеском кругу, посещения различных зрелищ, непреходящие романтические увлечения...» [5. С. 63, 24–25; 21. С. 129; 36. С. 6; 37. С. 32; 58. С. 309]. Между тем впервые такая интерпретация открыто обнаружила себя ещё в эмигрантской исторической литературе, в том числе она присутствовала в работах некоторых представителей церкви. «Молодые годы берут свою дань», «Наследник... веселится как молоденький офицер...» – писали эмигранты, наставительно замечая, что «не следует, однако, думать, что в этих забавах сказывалась вся полнота таившихся в Нём возможностей», что он обладал «запасом знаний» и личными «качествами», заслуживающими «всеобщего признания» [59. С. 13–14; 60. С. 8–9; 61. С. 123; 62. С. 29; 63. С. 4]. О том, что «Государь прошёл полное

общее образование, в совершенстве изучил предметы, которые необходимо знать Монарху», писали и дореволюционные официальные издания [64. С. 9, 12].

Необходимо, таким образом, признать, что сегодняшние суждения о предметах, имеющих отношение к юности Николая II, хотя и выглядят более конкретными, чем когда-либо, и поставлены на прочную (пусть, и достаточно бедную) источниковую базу, но по смыслу, а часто и по своей словесной форме не изменились и даже не особенно разнообразились, как на то можно было бы надеяться. Удивляться нечему, поскольку сам принцип формирования этих, по-видимому, разных и даже противоречащих друг другу суждений тоже сохраняется в полной мере, надёжно обеспечивая не только их традиционность, но и поразительное внутреннее сходство.

Примечательно, что обе стороны, не обращая друг друга никакого аналитического внимания, уверенно апеллируют к дневнику цесаревича: ищут и, как правило, без особого труда находят подтверждения любым своим умозаключениям. По справедливому замечанию М.П. Ирошниковой, Ю.Б. Шелаева и Л.А. Процай, «если подходить предвзято», то дневниковые записи наследника «легко позволят создать образ ленивого, нерадивого, лишённого ярких дарований и высоких интересов молодого человека, тяготеющего лишь к кутежам, пирушкам и прочим неблагоприятным развлечениям... Однако, – спешат прибавить авторы, – ...в дневнике Николая можно найти множество лаконичных записей, которые при желании нетрудно представить как пример и широты его кругозора, и любознательности, и т.д.» [9. С. 154]. Именно это, в сущности, и происходит, ибо, по свидетельству одних исследователей, дневниковые записи подтверждают, что «год за годом Николай нарабатывал опыт государственной, политической и общественной жизни», не утратившись «большого труда на этом поприще», а по мысли других – «чрезвычайно ярко» характеризуют «интеллект автора» и имеют значение лишь с точки зрения его «негативной оценки» [7. С. 11; 37. С. 27].

На каком же основании авторы делают тот или иной вывод, что позволяет им определиться в своих предпочтениях? Прямых ответов, которые хоть как-то проясняли и аргументировали бы этот авторский выбор, не имеется. Остаётся предположить, что он кажется авторам единственно возможным, самоочевидным, тогда как это впечатление не только крайне обманчиво, но и весьма для науки вредно. Притупляя заинтересованность в самоанализе, оно мешает увидеть, что исследовательские выводы не только (а часто и не столько) диктуются исследуемым материалом, но и зависят от произвольного усмотрения исследователя и детерминируются, таким образом, целым комплексом не имеющих никакого отношения к жизни Николая II причин.

Увы, подобное обращение с источниками царским дневником не исчерпывается. Более того, оно практикуется в отношении тех источников, уповать на очевидную правдивость которых никак не приходится. Речь идёт о свидетельствах современников последнего царствования, о принадлежащих им мемуарных высказываниях в адрес последнего самодержца. «Преподаватели не могли ставить оценки за успеваемость высокородному ученику, – повествует, например, А.Н. Боханов, – но все они отме-

чали усидчивость и аккуратность Николая Александровича» [5. С. 24]. Трудно судить, какие отзывы историк имеет в своём распоряжении в данном случае, но невозможно, однако, не усомниться в точности его сведений, ведь даже К.П. Победоносцев, один из главных воспитателей и учителей цесаревича, относившийся к нему, по словам С.Ю. Витте, «любовно», высказывался о своём ученике «как-то неопределённо» [65. С. 6]. Этот довольно известный отзыв обер-прокурора почему-то остался неустребованным.

Или другой пример. «По свидетельству современников, Николай II был образованнейшим человеком», – пишет Н. Бонеевская, доказывая, что императора отличало «прекрасное образование», что «личность Николая Александровича характеризовалась разносторонностью, внутренний мир был сложен» [36. С. 6]. Между тем, если несомненно, что такие свидетельства существовали, то несомненно также и то, что мнение о «прекрасном образовании» Николая II разделяли далеко не все его современники, что оно не только не было общепризнанным, но даже, может быть, и не преобладало [65. С. 6; 66. С. 339; 67. С. 158; 68. С. 104; 69. С. 17]. Нет серьезных оснований считать справедливыми и какие-либо другие высказывания, апеллируя к ним лишь потому, что их «множество», ведь количественное превосходство указывает только на их распространённость и допустимость, но никак не на их справедливость.

Это же можно сказать и об одной из примечательных характеристик последнего Романова, данной ему Ю.Н. Кряжевым: «Унаследовал он от отца и любовь к алкоголю», – убеждён исследователь, указывая, как «десятки знавших его людей отмечали в своих воспоминаниях эту пагубную страсть» [8. С. 52]. Кто входит в эти внушительные «десятки» из текста не совсем понятно, как не совсем понятно, однако, и другое – почему нужно верить именно им, одновременно игнорируя ряд противоположных, вполне осознанных свидетельств? [70. С. 42; 71. С. 41; 72. С. 18; 73. С. 56; 74. С. 113; 75. С. 222–223].

В полной мере сохраняет себя в исследовательской среде давняя привычка рассматривать впечатления, оставшиеся у разных «компетентных людей» от общения с императором Николаем II, как доказательство правоты собственных о нём суждений. Конкретные тому примеры можно приводить практически бесконечно. «Проницательный знаток личности последнего царя Кони, близко его знавший, – рассуждает Ю. Марголис, – отзывался о нём так: “Трусость и предательство прошли красной нитью через всю его жизнь”... Резко? – спрашивает историк. – Да. Но это не большевистская пропаганда. Кони знал, что писал» [19. С. 51]. На мнение известного русского юриста А.Ф. Кони, «одного из самых проницательных людей своего времени, тонкого психолога и настоящего человековеда», который «безусловно, знал, что писал», ссылаются и другие исследователи [7. С. 15; 9. С. 154].

А вот подобные примеры из трудов иного рода. «Искренность была отличительной чертой Николая», – убеждён Д. Орехов, подкрепляя свою уверенность словами одного из флигель-адъютантов Николая II А.А. Мордвинова о том, что «Государю были противны всякая игра, всякие замаскированные ходы, всякая неискренность, необходимые якобы для пользы дела» [21. С. 135]. «Упор-

ную и неутомимую волю в осуществлении своих планов» отмечает у последнего самодержца О.А. Платонов, апеллируя к «большинству знавших Царя людей» [37. С. 35].

Что же сообщает эту безусловную, в глазах исследователей, ценность тем или иным далеко не бесспорным мемуарным изречениям? Только одно – они оправдывают авторские ожидания услышать именно такие свидетельства мемуаристов, а будучи услышанными, эти последние приобретают уже и доказательную силу. Противоречивость мемуарной литературы при этом нисколько не отрицается (иногда даже подчёркивается), но любые «неправдоподобные» сообщения приобретают статус несущественных – ложных или лживых. «Обычно о людях бывают разноречивые свидетельства, – пишет протоиерей А. Шаргунов. – Здесь, – указывает он на сборник “Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных”, – много свидетельств, и они совпадают. И это очень важно, потому что много клевет было на Царя... Эта книга как пощёчина клеветникам, потому что такой книги ещё не выходило. Клеветники должны замолкнуть раз и навсегда. Правда торжествует» [76. С. 5]. Как видим, обычная разноречивость «свидетельств о людях» здесь признаётся, но одни из них получают при этом постыдное наименование «клевет», а другие называются «правдой».

По-своему следует этому правилу и Д. Орехов: «Только в эмиграции могли увидеть свет воспоминания тех, кто близко знал русского царя и его семью; только в эмиграции выходили исторические труды, где правда не смешивалась с ложью», – полагает он [21. С. 197]. Впрочем, едва ли можно упрекать в непоследовательной источниковедческой работе тех авторов, которые, не являясь историками-профессионалами, сами дают понять, что ищут в источниках не доказательств своим утверждениям, а скорее иллюстрации к ним, ибо «святость Царской Семьи русскому человеку доказывать не нужно», ибо «история» сама уже «расставила всё на свои места» [21. С. 5; 64. С. 36]. Выявление смысла исторических событий, смысла якобы не только совершенно однозначного, но и вполне очевидного, рассматривается многими в этой «исследовательской» среде как процесс, происходящий сам по себе без вмешательства исследователей (им отведена скромная роль глашатаев обнаружившейся исторической истины) и потому не требующий чёткой регламентации их действий.

Что же касается профессиональных историков, то и в их трудах присутствуют следы подобного отношения к истории, источникам и способам её изучения. Обратимся, например, к некоторым показательным моментам в источниковедческих рассуждениях Ю.Н. Кряжева, преподающего и использующего критические высказывания современников о последнем самодержце как заведомо более объективные по сравнению с какими-либо другими. Так, исследователь склонен приписать «большую ценность» дневнику руководителя царского цензурного ведомства Е.М. Феоктистова на том основании, что автор дневника «давал нелестные характеристики окружающим его в высших сферах». Это абсолютное доверие к «нелестным характеристикам» соседствует, однако, с настороженным отношением к дневнику члена Государственного совета А.А. Половцова, поскольку «записи его в той или иной степени носят апологетический характер» [7. С. 14]. Правда, Ю.Н. Кряжев указывает, что А.А. По-

ловцов был склонен смотреть на происходящие события ещё и «сквозь призму сановного бюрократа», которая, конечно, придавала определённую субъективность его суждениям, но разве Е.М. Феоктистов, чиновник высокого ранга, не смотрел на это сквозь «призму»?

Как правило, на очевидную бесспорность своих выводов и оценок ссылаются исследователи, когда речь заходит о должном отношении к воспоминаниям С.Ю. Витте, вокруг вопроса о достоверности которых не утихает продолжительный бескомпромиссный спор. «До сих пор выдержки из мемуаров Витте часто воспроизводятся как некие священные тексты, не подлежащие критическому осмыслению, хотя тенденциозность и пристрастность, а местами и откровенную лживость этого сочинения трудно не заметить», – утверждает А.Н. Боханов, подразумевая, что предвзятые «оценки опального сановника» непозволительно «использовать, как “бесспорное доказательство” “ущербности” и “мелкости” Николая II» [5. С. 222]. Такую точку зрения сегодня, как это было и всегда, разделяют далеко не все. «В них (воспоминаниях С.Ю. Витте. – Ю.Г.) даётся, на мой взгляд, весьма своеобразная характеристика Николаю, членам императорской фамилии и ближайшему окружению семьи Романовых», – вроде бы соглашается с необходимостью осторожного обращения с мемуарами первого российского премьер-министра Ю.Н. Кряжев, полагая, однако, что С.Ю. Витте не только «в основном верно» определил «умственную убогость лиц царствующего дома», но вместе с тем ещё и старался «как-то смягчить» свои лютые «характеристики, находя в каждом из его представителей что-либо положительное... В ряде случаев, – настаивает историк на своей мысли, – С.Ю. Витте явно смягчает пороки членов царской фамилии» – в частности, в Николае II он «пытается подчеркнуть его удивительную воспитанность, доброту и сердечность...» [7. С. 15].

Не секрет, что оба эти подхода к мемуарам графа вполне традиционны: они давно, едва ли не со дня выхода в свет этого источника, сформировались и практикуются. Но дело даже не в их видимой повторяемости, традиционности, на борьбу с которой решительно нацелилась теперь историческая наука. Важнее отметить, что исследователи проводят свои источниковедческие изыскания так, будто от них самих здесь ничего не зависит, будто их задача заключается не столько в том, чтобы исследовать источник, сколько в том, чтобы констатировать в его содержимом то, что «трудно не заметить», что «явно». Думается, в источнике нет и не может быть такой информации, такой её делает именно аналитическое вмешательство исследователя. Не случайно между строк текста разным исследователям «трудно не заметить» совершенно разные вещи. Следовательно, они не так уж и «явны».

Ещё менее основательной представляется уверенность иных историков в том, что существуют некие вневременные, абстрагированные от их сознания интерпретации исторических источников, интерпретации, порождённые самой историей, а не мышлением историка. Эта уверенность, по-видимому, не что иное как остаточные явления от былых претензий на безраздельное обладание исторической истиной. На словах эти претензии сегодня могут, конечно, отрицаться и порицаться, но привычка смотреть на результаты своей умственной работы как на самые

объективные осталась. «Кто сомневается в том, что народное прозвище последнего российского царя Николай Кровавый дано с полным основанием, пусть прочтёт его подлинные резолюции на документах, поданных ему карателями во время революции 1905–1907 годов», – советует К.Ф. Шацилло, предполагая тем самым, по-видимому, что сторонникам монарха и монархии либо о них ничего не известно, либо эти свидетельства представляются им неудобными и старательно замалчиваются [45. С. 75]. Между тем этим резолюциям давно найдено и другое объяснение, которое можно не разделять, но невозможно не замечать, отрицая даже саму возможность его существования.

Основная идея этого альтернативного объяснения проста: как говорил ещё П.А. Столыпин, надо отличать «кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей». Иными словами, подавление революции нередко представляется в исторической литературе «суровым, но необходимым» процессом, нацеленным на то, чтобы «предотвратить большие кровопролития» [59. С. 51–52; 77. С. 303–306, 312–313]. Примеры таких «больших кровопролитий», профилактикой которых якобы и занималось под руководством Николая II царское правительство, тоже присутствуют. «Как ничтожно это количество неизбежных жертв, – ведут подсчёт репрессированных за годы последнего царствования сторонники жёстких действий, – перед теми десятками миллионов убийств, которые потом совершили убийцы и самого Императора» [78. С. 7]. «Скажите, – обращается к своему собеседнику-корреспонденту предводитель Российского дворянства А.К. Голицын, – после моря крови, пролитой большевиками, разве можно называть Николая II – “кровавым”? ... Убеждён, что рядом с Лениным, Троцким, Свердловым, даже Хрущёвым он просто белоснежен!» [42. С. 18].

Едва ли подобная «двойная бухгалтерия» в работе с историческим материалом, свидетельствующим о личности и государственной деятельности Николая II, представляет собой преднамеренное продуманное действие, скорее, она историками просто не осознаётся. Её причины нельзя свести к банальной недостаточности источниковой базы исследований или замалчиванию каких-либо источниковых свидетельств (т.е. к действительной или мнимой неосведомлённости исследователей), как может показаться. Проблема коренится гораздо глубже. Думается, что она порождена представлениями о правильной работе с источниками, о допустимых методах интерпретации источниковой информации, характерными для современной отечественной историографии последнего царствования.

Приступая к их анализу, невозможно обойти вниманием тот факт, в эпоху какого изобилия и доступности разнообразных исторических источников, имеющих прямое и косвенное отношение к жизни императора Николая II, мы живём. Среди бурного потока литературы о последних Романовых, изданной за последние десять–пятнадцать лет, оказалась целая вереница интереснейших журнальных и книжных источниковых публикаций, которые и сегодня продолжают прибывать с завидной регулярностью. Некоторые издательства как в самой России, так и в её «ближнем зарубежье» публикуют источники о последнем царствовании целыми сериями («Россия в

мемуарах дипломатов», «Воспоминания. Мемуары», «Голоса истории» и т.п.), часто дублируя друг друга и делая легко доступными документы, известные в нашей стране лишь в полузабытых изданиях далёких 1920-х гг., а то и вовсе не известные, долгое время принадлежавшие только российской эмиграции.

Казалось бы, такая счастливая ситуация располагает, даже склоняет исследователей к тем или иным размышлениям о проблемах извлечения исторической информации из источников, путях и возможностях её дальнейшей интерпретации, да и сами исследователи декларируют настоятельную необходимость этой мыслительной кампании. «Первейшее значение в выявлении истины принадлежит беспристрастному исследованию исторических источников – документов, дневников и мемуаров», – заявляют историки [79. С. 461]. На деле, однако, никакого всплеска «исследования исторических источников» как раз и не происходит: единственное, чем в данном отношении приходится располагать, это вполне традиционные рассуждения о «соответствующей критической обработке», «серьёзном сравнительно-историческом анализе» и тому подобных испытательных процедурах, через горнило которых непременно должна пройти источниковая база любого респектабельного исторического сочинения. Однако к чему же реально сводятся сегодня подобные процедуры в исследовательской практике историков последнего царствования? Как будто лишь к тому, чтобы, говоря словами А.Н. Боханова, строить «взвешенные и объективные оценки... не на эмоциях и случайных впечатлениях, а на совокупности разнородных документов», причём таких, подлинность которых «не вызывает сомнения» [6. С. 12; 80. С. 16].

Безусловно, формирование надёжной источниковой базы для дальнейшего изучения личности и деятельности императора Николая II важно и необходимо. И можно только порадоваться тому обстоятельству, что сегодня уже не принято ссылаться на те просочившиеся из «высших сфер» сомнительные анекдоты и всевозможные слухи, которые, сопровождая жизнь последних Романовых, некогда служили информационным подспорьем для аналитиков. Хочется также думать, что в прошлом навсегда осталось и снисходительное отношение к использованию фальшивых «документов» (как вариант – текстуальному исправлению подлинных) и тем более к их фабрикации, которые в историографии, посвящённой последнему самодержцу, прежде имели место. Вместе с тем все эти новации не должны скрывать от исследователей тот факт, что для кардинальной перестройки исторического знания о последнем царствовании их будет мало.

Ещё более опасной для этого перестроечного процесса представляется тлеющая в высказываниях современных историков убежденность, что проблема долгожданного обретения «взвешенных и объективных оценок» вполне сводима к проблеме расширения источниковой базы, и если таковое осуществилось, то остальное приложится. «В научный оборот, – пишет о своей работе Ю.Н. Кряжев, – вводится значительный пласт ранее не опубликованных документов, которые в конечном счете, безусловно, вносят абсолютную ясность в изучаемые проблемы и, конечно же, дают уникальную возможность многое осмыслить и понять о роли личности высших

носителей власти в истории и судьбе России, её вооруженных сил конца XIX – начала XX веков» [7. С. 19].

А вот фрагмент из рассуждений Г.З. Иоффе о знаменитом «Архиве русской революции»: «Не нужно, конечно, ждать от авторов беспристрастных описаний... Разве наш взгляд, взгляд с нашей баррикады был беспристрастен? – резонно замечает историк. – Вот почему “Архив” во многом скорректирует наши знания, пополнит их и, как я убеждён, приблизит к пониманию истории революции и гражданской войны» [43. С. XIX]. На тот же эффект рассчитывает и автор «Вступительных замечаний» к опубликованному дневнику последнего самодержца: «Издаваемый дневник императора Николая II, – пишет В.М. Шевырин, – должен пролить новый яркий свет на причины катастрофы и выяснить, насколько она была неотвратима» [81. С. 4]. Эти и подобные им утверждения предполагают, что ценные для науки исследовательские результаты незамедлительно и – странно сказать – практически машинально следуют за нынешними усилиями ученых по расширению источниковой базы собственных исследований, что постоянно увеличивающееся количество использованных материалов само приведёт к новому качеству их использования.

Показательны в этом отношении и два сборника мемуаров о последнем самодержце: один из них – «Николай Второй. Воспоминания. Дневники» – составлен Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным, а другой – «Николай II в воспоминаниях современников» – П.П. Афанасьевым [82, 83]. «Авторы воспоминаний, естественно, по-разному трактуют личностные качества Николая II и его роль в событиях, – резонно отмечает П.П. Афанасьев, – но тем и интереснее познакомиться с их свидетельствами» [84. С. 5]. Природу и цель этого интереса поясняют Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, указывая на предназначение подготовленного ими издания – «дать читателю представление о личности императора, увидеть царя глазами хорошо его знавших и часто с ним соприкасавшихся современников. Включённые в сборник воспоминания и дневники, – рассуждают историки, – как нам кажется, в своей совокупности дают возможность составить представление о Николае II как человеке и государственном деятеле...» [85. С. 7].

Чем же, однако, это составленное сегодня представление (а точнее было бы говорить о представлениях) будет принципиально отличаться от прежних? Путь его построения намечается тот же самый – речь идёт о грамотном подборе и последующем сопоставлении мемуарных свидетельств, об их взаимном дополнении и проверке. Но не переоценивают ли историки познавательный и созидательный потенциал этих процедур, когда намереваются с их помощью воздвигнуть современное представление о последнем самодержце, когда говорят, что они дают «возможность самостоятельно и непредвзято составить мнение об этой неоднозначной личности и её роли в российской истории»? Что выступит гарантом заявленной непредвзятости этого мнения (мнений)? Ведь принципы отбора источниковой информации для дальнейшей её обработки, правила этой обработки, т.е. правила превращения источниковой информации в историческое знание (те самые «представления», «мнения»), не только не обсуждаются, но даже как будто авторов и не интересуют.

Сходным образом рассуждают и авторы, которые хотя и не задавались целью писать академический научный труд, но для которых тем не менее важно, чтобы в их книгу попала «только правда, ничего, кроме правды»: «Нам обоим, – рассказывает А. Мейлунас об истории создания своей, совместной с С. Мироненко, “трагедии в документах”, – удалось за сравнительно короткий срок просмотреть буквально сотни тысяч документов, писем, дневников, полицейских отчетов, опубликованных и неопубликованных мемуаров. Среди них было множество совершенно уникальных документов, которые до нас не только никто не читал, но о которых никто даже не слышал. Все вместе они и составили историю, которая, в сущности, не нуждается в комментариях» [86. С. 12–13]. Между тем в комментариях нуждается уже само это высказывание.

Для специалистов не является, конечно, откровением то обстоятельство, что эпоха последнего царствования подарила своим наследникам колоссальное количество замечательных и занимательных документов, многим из которых пока ещё не было суждено попасть в руки не только читателей, но даже исследователей. Вместе с тем можно сколько угодно восхищаться этими действительно бесценными документами, прилагать к ним внушительные эпитеты и величать «вскрывающими правду о жизни и смерти императорской семьи», однако ещё не факт, что их беспризорная («в комментариях не нуждается») публикация способна «вскрыть» для нас эту «правду». А как будто именно такого эффекта ожидает А. Мейлунас, когда напрямую увязывает объёмы вскрытой правды с количеством задействованных в издании источников: «Всё в этой книге только правда, ничего, кроме правды, но не вся правда! – предупреждает автор своего будущего читателя и критика. – Главный наш грех – грех упущения; мы не использовали массу важных исторических документов, бывших у нас в руках, и безжалостно сокращали некоторые использованные...» [86. С. 13]. Выходит, будь они целиком опубликованы, историческая правда наконец обнаружилась бы?

Если документы в силах самостоятельно «внести абсолютную ясность в изучаемые проблемы», «вскрыть правду» и т.п., то, стало быть, они несут в себе совершенно однозначный смысл, готовую истину, которые вполне очевидны и доступны помимо наших специальных умений и усилий приблизиться к их пониманию. В таком контексте не покажется случайным намерение современных авторов «предоставить слово документам эпохи», позволить Николаю II и его близким «самим рассказать о себе, о своём восприятии людей и событий», о своей «жизни и роковой судьбе», в общем – «самим рассказать свою историю, своими собственными словами» [5. С. 11; 9. С. 6; 86. С. 14, 22]. Расчёт, скрытый за подобными рассуждениями, прост: раз «наши герои – люди образованные, и все они пишут друг другу», раз «большая часть написанного ими сохранилась в различных архивах», значит, «именно для такого короткого периода истории нам стал доступен и внешний и, что гораздо важнее, внутренний мир наших героев» [86. С. 11–12]. Но это значит также, что задача попасть туда в общем не столь уж и сложна, а заслуга – не столь уж и велика, ибо достаточно процитировать или пересказать ряд изречений последнего самодержца, как из них выступит его подлинный облик со всем

своим «внешним и внутренним миром», как мы услышим историю его жизни из его собственных уст и увидим события и лица последнего царствования его собственными глазами.

Нетрудно заметить, что высказанный подход к делу практически стирает существенную разницу между описанием почерпнутых в источнике фактов и их пониманием, в том числе пониманием значения, которое этим фактам придавал сам автор источника. По крайней мере необходимость теоретически запланировать эту разницу оставлена без внимания, и совершенно не заметно, чтобы в среде исследователей личности и деятельности последнего самодержца всерьёз обсуждались проблемы извлечения исторической информации из источников, пути и возможности её дальнейшей интерпретации. Вместо того чтобы решить, как развязать источникам язык и организовать с ними продуктивный диалог, историки предпочитают пассивно ожидать, что те, от лица своих создателей, всё «сами расскажут».

При этом без внимания остаётся ещё одно важнейшее обстоятельство: формирование источниковой базы исследования, контроль за её качеством, отбор существенной информации внутри каждого источника в отдельности, не говоря уж о последующей интеграции выделенных фактов в целостную историческую картину, осуществляются самим историком в соответствии с определёнными принципами, отнюдь не абстрагированными от его сознания. Вот почему было бы куда точнее сказать, что это не документы нам щедро «рассказывают», а мы их жадно «читаем», что «расскажут» они нам лишь то, о чём мы сумеем их «расспросить», чем намеренно поинтересуемся. И необходимо, чтобы правила этого «чтения» сознательно формулировались и соблюдались, а не игнорировались под эгидой борьбы за объективное историческое знание. Размышления о том, как мыслит и работает историк и как это отражается на его трудах, думается, представляют собой далеко не праздное или экзотическое времяпрепровождение, но необычайно плодотворное и, более того, – прямо насущное для современной исторической науки занятие, без должного внимания к которому никакое подлинное движение вперёд в научных изысканиях невозможно.

По-видимому, новые исторические знания о последнем российском самодержце следует искать как раз на путях осмысления и обновления прежних принципов, правил и средств, которыми историки пользовались и пользуются в своей исследовательской работе. А отрицать или не замечать существование этих принципов, полагать, что они изменятся сами собой (вслед ли за наступлением новых времён, от расширения ли источниковой базы и т.п.) – прямая дорога к их очередному повторению, поскольку сами по себе, не будучи даже чётко сформулированы (не говоря уж о чётко сформулированных претензиях к ним), они никогда не изменятся, а будут и дальше устойчиво воспроизводиться. Ведь стоит только отказаться от их обсуждения или не придать ему должного значения, как место научного познания прошлого на основе продуманных и обоснованных правил займут мало контролируемые исследователем стихийные действия, которые будут основаны на естественных лишь для него ценностях и едва ли окажутся способны повести науку по новому исследовательскому пути.

Так, они никогда не позволят обозначить и учесть неизбежное проникновение исследующей культуры в культуру исследуемую, и не только потому, что сориентированы на самое простое и естественное – на их идентификацию, но и потому, что в свою очередь ориентируют исследователей не на то, чтобы понимать и принимать своё присутствие в исследовании, а на то, чтобы критиковать и не допускать его в интересах «объективизации исторического знания». Применительно к истории последнего царствования это значит, что избавиться от одной из тех традиционных черт историографии, согласно которой исторический образ Николая II создаётся по образу и подобию автора и которую именно и следовало бы исправить, не удастся.

Это значит, что от обычных общих слов о едва ли не перманентном кризисе научных исследований последнего царствования пора переходить к необычному конкретному делу – разрабатывать и обсуждать прежде всего те или иные пути преодоления этого недужного состояния и уж только «по размышлении зрелом» браться за их реализацию. В противном случае кризисное состояние науки действительно станет хроническим – стереотипные представления, изгнанные в дверь, являются и будут являться к нам в окно. Исследовательский опыт последних лет, думается, свидетельствует как раз о том, что приступить к конкретно-историческим изысканиям прежде серьёзной предварительной проработки тех средств, с помощью которых из во многом прежнего исторического материала можно сформировать новое историческое знание, малопродуктивно.

Таким образом, заметное преображение современной отечественной историографии о последнем царствовании, переживающей ныне очередной ощутимый подъём, пока ещё не представляет собой значительного и необратимого явления. Представившиеся поначалу вполне разрешимыми задачи её подлинного обновления оказались не столь простыми. По крайней мере внешнее раскрепощение исторической науки и публицистики, на которое в этом смысле возлагались большие надежды, ожидаемого результата не принесло, и историки этот факт признают. Следовательно, проблемы, препятствующие перестройке и обновлению исторического знания, лежат не снаружи, а внутри исследовательского процесса, прежде всего в тех способах и средствах познания прошлого, в соответствии с которыми строится вся исследовательская работа и достигаются её итоги.

Между тем как раз их сущностного обсуждения историки последнего царствования сегодня сторонятся, предпочитая сразу приступить к конкретно-историческим изысканиям и обрекая себя тем самым на опасную консервацию прежних правил исследовательской работы. Характеристике вводимых в научный оборот новых нетрадиционных подходов, по-видимому, надлежит уделять существенно большее внимание: их суть должна быть прояснена, а выбор – обоснован, поскольку они являются не бесспорной исходной аксиомой, а результатом определённого и притом достаточно сложного мыслительного пути, проделанного историками. Пока нет этих объяснений и аргументации, нет и никакого серьёзного повода ожидать исследовательских открытий в области истории последнего царствования, ибо остаётся непонят-

ным, в каком же направлении и на каком основании мы рассчитываем их совершить.

Это не означает, конечно, что в современной отечественной историографии о последнем царствовании и последнем самодержце не происходит никаких позитивных сдвигов. Они явились в виде очередного существенного расширения источниковой базы, постепенно усиливающейся конкретизации наших знаний о личности и государственной деятельности Николая II, впервые появившейся возможности для свободного обмена мнениями, располагающей историков и публицистов к ведению полезных продуктивных дискуссий. И хотя эти дискуссии не всегда протекают по-деловому спокойно, среди сегодняшних исследователей российской истории конца XIX – начала XX в. налицо сторонники самых разных представлений о личности и государственной деятельности Николая II, колеблющихся в диапазоне между образом Николая Кровавого и образом святого царя-мученика включительно.

И всё же эти свершившиеся перемены, их глубину и принципиальность не стоит преувеличивать, ибо наряду с ними в современной отечественной историографии можно обнаружить также и признаки, свидетельствующие о сохранении гораздо более глубокой и принципиальной преемственности в её развитии. Причём едва ли родство былых и нынешних форм изучения личности и деятельности последнего самодержца исчерпывается разнообразными проявлениями преднамеренной авторской субъективности, которые именно и принято сегодня (как, впрочем, и всегда) критиковать, выдавая за главное препятствие в процессе обновления исторического знания. Это родство, думается, лежит в совершенно иной плоскости – в плоскости бессознательной приверженности традициям, которая проявляет себя через тот способ познания прошлого, которым авторы продолжают уже не первое десятилетие пользоваться, – сами логика рассуждений, вопросы к прошлому, механизм поиска ответов на них, манера обоснования выводов и т.п. атрибуты исследовательского процесса остались фактически неизменны.

Прежде всего, изучение последнего российского царствования сохраняет свой политизированный характер. Государственная деятельность императора Николая II продолжает интересовать исследователей лишь постольку, поскольку она в их глазах содействовала или препятствовала прогрессивному течению исторического процесса в России, т.е. прежде всего надлежащим изменениям её политического строя. Понимание направления и сути российского общественного прогресса при этом демонстрируется разное (более или менее постепенное развитие, революция, сохранение статус-кво...), но привычка изучать и оценивать (положительно или отрицательно) деятельность последнего самодержца с точки зрения того, что он сделал и чего не сделал для реализации «предпочтительной» альтернативы развития страны, одна и та же.

В итоге субъективные, подверженные периодическим изменениям и пересмотрам представления о прогрессе, о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы последнего царствования, о приемлемости последующего этапа её истории и т.п. незаметно примешиваются у исследователей к объективной исторической реальности, предопределяя не только ход изу-

чения личности и деятельности Николая II, но и сам его результат. Шкала личных социально-политических ценностей исследователя, историка или публициста, сегодня, как и прежде, играет ключевую роль не только в определении значимых фактов государственной деятельности Николая II, достойных исторического рассмотрения, но и в самой их интерпретации.

Для тех, кто сохраняет уверенность в прогрессивном характере российской революции, наиболее существенными являются факты, свидетельствующие о причастности императора к борьбе с российским оппозиционным движением, к торможению и ограничению российского реформаторского процесса, факты, которые не могут рассматриваться ими иначе, нежели как неоправданная и бесполезная борьба с силами общественного прогресса. Для тех же, кто видит в революционных и последовавших за ними событиях национальную трагедию, едва ли совместимую с прогрессивными изменениями в стране, важнее установить, что было предпринято Николаем II для её предотвращения и насколько его действия исчерпали всё то, что он мог и должен был бы в этом отношении предпринять. Причём набор приветствующих исследователями действий может колебаться между сугубо репрессивными мерами и мерами реформаторского свойства, исключая или сочетая их в зависимости от того, находит ли исследователь обширные государственные преобразования в России конца XIX – начала XX в. желательными или считает, что таковые себя не оправдывали (оправдывали лишь в какой-то степени) и были стране не нужны. С этой точки зрения умеренная реформаторская деятельность Николая II вкупе с его непримиримым отношением к политической оппозиции должны расцениваться (и ныне нередко так и происходит) как проявление необыкновенного государственного ума, предвидевшего и пытавшегося предотвратить многие печальные последствия безудержной преобразовательной политики для России. Если же исследователь связывает эти печальные последствия не столько с пере-

избытком крупных реформ, сколько с их явной недостаточностью, то действия императора начинают расцениваться как способствующие революционным катаклизмам и потому не соответствующие интересам российского государства и общества.

Как видно, одни и те же факты политической биографии императора одними исследователями рассматриваются как безусловное доказательство антинародного, реакционного характера его политики, а в глазах других они столь же неопровержимо подтверждают обратное. Происходит это потому, что во всех этих «голых фактах» объективная информация о реальных действиях императора невольно совмещена с авторскими представлениями о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы последнего царствования, о приемлемости последующего этапа её истории и т.п. вещах, подверженных периодическим изменениям и пересмотрам. Эти весьма и весьма относительные представления об общественном прогрессе незаметно вкрадываются и пропитывают содержание таких ключевых для российской истории конца XIX – начала XX в. понятий, как «самодержавие», «революция», «реформы», «конституция» и т.п., которыми исследователи оперируют, но в которых констатация объективных исторических явлений по-прежнему намертво сопряжена с той или иной их индивидуальной оценкой.

При такой постановке исследовательского процесса последний самодержец не может быть рассмотрен как самостоятельная и самодостаточная историческая фигура. Между тем именно этого, как представляется, требует принцип историзма, который, таким образом, тоже не соблюдается. Задача исторической науки заключается именно в том, чтобы найти, предложить и реализовать такие исследовательские подходы, которые бы позволили понять государственную деятельность Николая II как своеобразный способ осмысления и реакции на российские и мировые реалии конца XIX – начала XX в., один из целого ряда возможных, равноправный со всеми другими, а не только правильный или ошибочный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 288 с.
2. Днепровой А.Ю., Измозик В.С. Российский императорский дом в канун своего трёхсотлетия // Наука и жизнь. 1991. № 1. С. 84–92.
3. Полунов А.Ю. Романовы: между историей и идеологией // Свободная мысль. 1995. № 11. С. 117–128.
4. Непени И. Крестный путь царской семьи // Непени И. Перед расстрелом (Последние письма царской семьи). Омск: Омское книжное изд-во, 1992. С. 3–45.
5. Боханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 1998. 567 с.
6. Зайцев Г. Семьдесят восемь дней // Урал. 1993. № 6. С. 73–173.
7. Кряжев Ю.Н. Военно-политическая деятельность Николая II Романова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1997. 28 с.
8. Кряжев Ю.Н. Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997. 224 с.
9. Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б. Николай II – последний российский император. СПб.: Духовное просвещение, 1992. 512 с.
10. Буранов Ю.А., Хрусталёв В.М. Гибель императорского дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс, 1992. 347 с.
11. Об останках екатеринбургских и о расследовании убийства. О необходимости дорасследования екатеринбургского дела // Николай II: Венеч земной и небесный. Царственные мученики: Пророчества, чудеса; даты, события, документы; молитвы, акафист и канон. М.: Лествица, 1999. С. 612–613.
12. Я не махну кадиллом на похоронах, пока вы, учёные, убедительно не докажете принадлежность останков царской семье! // Комсомольская правда. 1998. 31 марта.
13. Вместо предисловия // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск: Урал – Советы, 1991. С. 3–4.
14. Чакиев В.Н. Романовы: кто они? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 167–176.
15. Искендеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 87–109; № 5. С. 89–107; № 7. С. 111–131; 1994. № 1. С. 98–121; № 6. С. 127–143; 1999. № 1. С. 97–126; № 3. С. 82–115; № 9. С. 78–121; № 11–12. С. 82–101.
16. Черкасов П. Последний император // Новый мир. 1993. № 1. С. 189–196.
17. Кузнецов Н.В. Последний император России // Специалист. 1994. № 1. С. 23–25.
18. Кривов М. Николай II – святой ли? Открытое письмо членам предстоящего архиерейского собора Русской православной церкви // Огонёк. 1992. № 42–43. С. 5.
19. Страсти по императору // Армия. 1993. № 7. С. 47–51.
20. Кряжев Ю.Н. Военно-организаторская деятельность Николая II как главы государства: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2000. 42 с.

21. Орехов Д. Подвиг царской семьи. СПб.: Невский проспект, 2001. 222 с.
22. Шаргунов А., протоиерей. Православная монархия и новый мировой порядок. М.: Новая книга, б. г. 224 с.
23. Мнения о канонизации // Николай II: Венец земной и небесный. Царственные мученики: Пророчества, чудеса; даты, события, документы; молитвы, акафист и канон. М.: Лествица, 1999. С. 256–281.
24. Причины отречения Императора Николая II от престола и православное отношение к этому акту // Великие Святые. «Он всех простил...» Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Житие и страдания Святых Царственных страстотерпцев Николая II и Его Семьи: Материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. М.; СПб.: ОЛМА-ПРЕСС; Нева, 2002. С. 111–128.
25. Последние дни Царской Семьи // Великие Святые. «Он всех простил...» Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Житие и страдания Святых Царственных страстотерпцев Николая II и Его Семьи: Материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. М.; СПб.: ОЛМА-ПРЕСС; Нева, 2002. С. 129–1188.
26. Нежный А. Ответ М. Кривову // Огонёк. 1992. № 42–43. С. 5.
27. Великие Святые. «Он всех простил...» Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Житие и страдания Святых Царственных страстотерпцев Николая II и Его Семьи: Материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. М.; СПб.: ОЛМА-ПРЕСС; Нева, 2002. Аннотация.
28. Виноградов А. Предисловие // Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 3–5.
29. Шаццло К.Ф. Послесловие // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск: Урал – Советы, 1991. С. 251–271.
30. Гаврилов Д.В. Идеи мира и согласия во внешнеполитической деятельности императора Николая II // Россия. Романовы. Урал. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. Вып. 3. С. 11–14.
31. Чернокрылова Е.Н. Николай II – портрет на фоне уходящей эпохи. Хабаровск: Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, 1998. 26 с.
32. Иванова М.В. Царь Николай II на страницах нелегальной сибирской социал-демократической печати // Историческая наука на рубеже веков. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Т. 2. С. 116–119.
33. Пагануци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8–9. С. 93–96.
34. Романовы и Крым. М.: Крук, 1993. С. 168.
35. Шаццло К.Ф. Царь и царица // Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М.: Просвещение, 1993. С. 4–12.
36. Бонцакая Н.К. Царь-мученик. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1998. 32 с.
37. Платонов О.А. Николай Второй. Жизнь и царствование. СПб.: Общество святителя Василия Великого, 1999. 501 с.
38. Черкасов П., Чернышевский Д. История императорской России. М.: Международные отношения, 1994. 448 с.
39. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 351 с.
40. Власть и реформы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
41. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.
42. Год памяти Государя Императора Николая II Александровича // Международный год памяти Государя Императора Николая II. М.: Дворянское собрание, 1993. С. 17–36.
43. Иоффе Г.З. Читая «Архив русской революции» // Архив русской революции. М.: ТЕРРА; Политиздат, 1991. Т. 1–2. С. V–XX.
44. Волк С.С. Несколько штрихов к неоконченному портрету // Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. С. 259–281.
45. Шаццло К.Ф. Николай II: путь к трагическому концу // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 70–81.
46. Монархи Европы: судьбы династий. М.: Республика, 1996. 623 с.
47. Правил – как завещал отец? («Круглый стол» об эпохе Александра III) // Родина. 1994. № 11. С. 40–46.
48. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. 672 с.
49. Корелин А.П. Введение // Российские самодержцы. 1801–1917. М.: Международные отношения, 1994. С. 4–12.
50. Боханов А.Н. Николай II // Российские самодержцы. 1801–1917. М.: Международные отношения, 1994. С. 307–384.
51. Аишиев Н. Николай II и его сановники в воспоминаниях графа С.Ю. Витте // Былое. 1922. № 18. С. 164–210.
52. Василевский И.М. Романовы. От Михаила до Николая: История в лицах и анекдотах. Ростов н/Д.: Мапрекон, 1993. 384 с.
53. Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М.: Просвещение, 1975. 160 с.
54. Любош С. Последние Романовы. М.: Book Chamber International, 1990. 287 с.
55. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. 288 с.
56. Фирсов Н.Н. Николай II. Опыт личной характеристики преимущественно на основании дневника и переписки // Подъём. 1992. № 9–10. С. 28–126.
57. Щёголев П.Е. Последний рейс Николая II. М.: Книга, 1991. 110 с.
58. Козлов Ю.Ф. Николай II Александрович // Козлов Ю.Ф. От князя Рюрика до императора Николая II. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1992. С. 308–324.
59. Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли: Материалы для составления Жития Святого Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Страстотерпца. М.: ВТИ, 1992. 152 с.
60. Государь Император Николай II Александрович. Берлин: Стяг, 1922. 70 с.
61. Серафим, игумен. Православный царь-мученик. М.: Православный паломник, 1997. 799 с.
62. Языков Н. Правда о Государе // Царствование и мученическая кончина императора Николая II. Париж, 1993. С. 9–39.
63. Якобий И.П. Император Николай II и революция. Б. м., 1938. 380 с.
64. Елчанинов А. Царствование Государя Императора Николая Александровича. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. С. 136.
65. Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Соцэргиз, 1960. Т. 1–3.
66. Дневник А.С. Суворина. М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 407 с.
67. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. 192 с.
68. Кони А.Ф. Николай II (Воспоминание) // Кони А.Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 104–115.
69. Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора. М.: Анкор, 1993. 288 с.
70. Воейков В.Н. С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск: Харвест, 2002. 384 с.
71. Извольский А.П. Воспоминания. Минск: Харвест, 2003. 224 с.
72. Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1991. 251 с.
73. Мельник Т.Е. Воспоминания о царской семье. М.: Анкор, 1993. 208 с.
74. Мемуары великой княгини Ольги Александровны. М.: Захаров, 2003. 272 с.
75. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, 1992. 262 с.
76. Шаргунов А., протоиерей. Предисловие // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 5–12.
77. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 576 с.
78. Государь Император Николай II и его Семья. М.: Правило веры; Новая книга, 1993. 63 с.
79. Шокарев С. Падение династии Романовых (мемуары современников) // Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 461–490.
80. Боханов А.Н. Предисловие // Богданович А.В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 5–23.
81. Вступительные замечания // Дневник императора Николая II. М.: Полистар, 1991. С. 3–5.

82. *Николай* Второй. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. 560 с.
83. *Николай* II в воспоминаниях современников. М.: Издательство МАИ, 1999. 432 с.
84. *Афанасьев П.П.* Предисловие // *Николай* II в воспоминаниях современников. М.: МАИ, 1999. С. 5.
85. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* От составителей // *Николай* II. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 5–20.
86. *Мейлунас А.* Вступление // Мейлунас А., МIRONENKO С. *Николай* и Александра: Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998. С. 11–14.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 15 ноября 2004 г.